

Нембрини Ф.

Данте – поэт желаний. Комментарии к Божественной комедии. Чистилище. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2016. Серия BIBLIOTHECA PAEDAGOGICA.

Нембрини Ф.

Данте – поэт желаний. Комментарии к Божественной комедии. Ад. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2016. Серия BIBLIOTHECA PAEDAGOGICA.

Нембрини Ф.

Данте – поэт желаний. Комментарии к Божественной комедии. Рай. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2017. Серия BIBLIOTHECA PAEDAGOGICA.

«Тридцатилетний опыт преподавания «Божественной комедии» в самых разных аудиториях, от школьных уроков в созданный Франко Нембрини школе «Ла Трачча» до лекций для домохозяек в театре Бергамо, воплотился в беседах, которые предлагают пережить вместе с Данте удивительное приключение и прикоснуться к тайне: почему бьётся сердце, почему мы встаем по утрам и имеем мужество проживать каждый день, почему рождаем детей и, в конце концов, мы находим самих себя». «Как всегда, комментарий Франко Нембрини настраивает читателя на обнаружение живой связи между дантовским текстом и собственным жизненным опытом». Так говорится о книге в аннотации.

Встречу с Франко Нембрини мне еще несколько лет назад подарил Киевский летний богословский институт и замечательный харьковский философ и богослов Александр Филоненко. Он так вдохновенно и просто рассказал слушателям о Франко Нембрини и созданной им школе, что все мы поняли: нельзя обойтись без только что вышедшей тогда в «Духе и Литере» книги Нембрини «От отца к сыну. Беседы о рискованном деле воспитания» (2013). Эта книга с предисловием Александра Филоненко «Благоговение перед тайной жизни: на пороге школы Франко Нембрини» открыла новую педагогическую серию издательского дома «Дух и Литера» BIBLIOTHECA PAEDAGOGICA.

Но самое важное и близкое из аннотации к двухтомнику 2016 года: «Божественная комедия» – не просто средневековый шедевр, а предложение для читателя пройти путь каждого дня и всей жизни на высоте собственного желания, когда даже самая ничтожная деталь, слово или привязанность, зародившиеся сегодня вечером, симпатия, зародившаяся вчера, всё, даже самая маленькая вещь, связано со звёздами, бытием, тайной, и поэтому спасено».

В этом году я решила сделать над собой сверхусилие и, по слову Нембрини, оказаться «на высоте своего желания», своего многолетнего желания встречать утро на море, которое в Одессе так рядом. И только лень мешала

осуществить это желание. Но с Нембрини нет ничего невозможного. И так – с пляжным полотенцем и Нембрини под мышкой я почти каждое утро отправлялась на 12-ю станцию Большого Фонтана. Это удивительное место, где, доплыв до волнореза, ты видишь освещенные ласковым утренним солнцем золотисто-розовые купола. По левую руку – купола Свято-Успенского мужского монастыря, по правую руку – купол храма Марии Магдалины на 9-й станции.

Возвращаюсь на берег. Поднимаюсь на Большую Фонтанскую дорогу к барельефу Анны Ахматовой. Здесь где-то в глубине аллеи стоял дом, в котором родилась Анна Горенко. Притрагиваюсь к холодной мраморной руке – здравствуй Аня, царственная Анна, «королевушая» мама, как говорил её сын Левушка... «Я в раю ...», – говорю я себе. И моё горячее желание, чтобы был написан и третий том «Поэта желания» – «Рай». Я-то уже мысленно начинаю писать такой томик. И он оказался написан.

Прости мне, мой дорогой даритель, томик «Чистилище» был обрызган нечаянно накатившей волной и теперь приобрел её очертания, стал волнистым, но от этого не менее ценным. Какой замечательный подарок – он не может потерпеть никакого ущерба.

Итак, нет лучшего подарка, чем дух-и-литеровские томики Нембрини о Данте. В подарок ты получаешь весь мир, обещание встречи с самим собой, с бесконечностью желания.

А напоследок только немного из рассыпанного в книге преизобильно и собранного в горсть:

«Мы обнаруживаем, что вся реальность – вся, действительно вся! – влечёт к себе; она приводит нас в движение, заставляет касаться всего вокруг. Но чем сильнее её зов, тем шире распаивается желание в нас. От шага к шагу, от ступени к ступени, от встречи к встрече – человек восстанавливает необъятность своих бесконечных потребностей и желаний. Человек, словно призван постоянно искать в складках реальности, во встрече с осязаемым миром таинственный след Бесконечности, влекущей к себе».

«... Данте становится нашим спутником, чтобы помочь нам трезво принять жизнь. Он не поучает, а предлагает пережитую им драму: «Если действительно хочешь возмужать, ты должен до конца пережить драму собственной свободы».

«От человека требуется высшая степень честности, чтобы разглядеть знак, словно выжженный на всех вещах этого мира: «еще дальше» есть нечто большее...».

«Красота рождается из труда, приложенного к открытию смысла вещей».

«Практически во всех языках <...> глагол «помнить» связан со словом «сердце» (итальянское *ricordare* – И. Г.): помнить – это делать что-то вновь присутствующим. Именно память является тем невероятным свойством человека, которое способно воссоздать в настоящем какой-то опыт, какую-то встречу».

И снова – не устаю бесконечно благодарить того, кто подарил мне в начале прошлого лета двухтомник Ф. Нембрини, преподавателя итальянского языка, «Данте – поэт желания». «Ад» и «Чистилище» мне были подарены, а «Рай» я купила сама.

И снова почти каждое утро с заветной книжечкой в золотистой обложке, вслед за Данте и Беатриче, я отправляюсь к морю на 12-ю станцию Большого Фонтана. И снова – прохожу мимо барельефа Анны Ахматовой, где когда-то в глубине дачной аллеи стоял дом, в котором появилась на свет Аня Горенко. И снова глажу холодную мраморную руку и почему-то всегда теплое мраморное плечо. Мраморную Анну пришлось освободить от невесомого ожерелья из слипшихся комочков пыли, вытереть ей влажной салфеткой носик, глаза, все поры белоснежной каменной кожи. И теперь я слежу за ней, назначив себя дежурной по Анне. Хотела сегодня вытереть карандашную надпись «1966», перечеркнувшую выбитую на мраморе дату 1989 – когда был сделан барельеф. Но идёт ливень, он тоже немного подежурит по Анне, освежит её и смоев всё лишнее.

И снова – спускаюсь к морю, к морю, которое всегда – бесконечное желание, которое всегда – Оно, полное невыразимой тайны. Вот только в этом июне почти не удавалось доплыть до заветного волнореза

В первый летний месяц Понт Эвксинский («Гостеприимный») снова, как в перво времена греческой колонизации, стал Понтом Аксинским («Негостеприимным»). Холодная вода не пускала, уже выходя с пляжа, я читала записанные мелом на доске ежеутренние сводки о температуре воды (12-14 градусов). Но я не сдавалась и сделала несколько попыток войти. Окунулась, но плыть не могла, сводило всё тело, ведь я совсем не морж. Первая, вторая, третья попытка – море выталкивает меня, как мячик. И вдруг на четвертый раз ходишь в море и чувствуешь блаженство и плывёшь свободно, а всё, что несколько минут назад выталкивало, притягивает теперь. И потом целый день чувствуешь тоску по обжигающему игольчатому прикосновению морской воды. Я, подобно древним грекам, не знавшим о том, что они древние, ежеутренне превращала Понт Аксинский в Понт Эвксинский. Но я ведь не из стана героев-мореплавателей, и мне ничего бы не удалось без волшебства Нембрини и Данте – поэта желаний, показавшего нам, что всё-таки, хотя бы на мгновения, можно оказаться на высоте своего желания. Ведь если даже я не могу доплыть до волнореза, заплыв как утреннее правило никто не отменял. И по правую руку – золотой купол собора мужского монастыря, а по левую – манящая и ведущая прямо к облакам солнечная дорожка на волнах, с переливающимися всеми цветами бликами.

И вот я в холодной, недоступной почти никому воде (и впрямь, на три пляжа, видимых глазу, плаваю я одна). И вот я повторяю ежесекундно – я в раю, я в «Раю», обещанном Данте и Франко Нембрини. В «Раю», так щедро подаренном нам «Духом-и-Литерой».

На пляже с книжкой сидела
Инна Голубович
г. Одесса

Записные книжки Л. С. Выготского.

Избранное / Под общ ред. Екатерины Завершневой и Рене ванн дер Веера.

М.: Изд-во «Канон+»

РООИ «Реабилитация», 2017. 608 с.

Наш брат, книгочех, получил роскошный подарок – драгоценную возможность заглянуть в лабораторию мысли Льва Семеновича Выготского. Екатерина Завершнева, публиковавшая серию статей о рукописном наследии Выготского в разных журналах, вместе с давним исследователем наследия Выготского, голландским автором Р. ван дер Веером, издали записные книжки Выготского.

Это не полное издание его книжек. Только начало. Но и оно показывает нашему брату, вообще-то, казалось бы, искущённому в чтении-общении с этим автором, чьи работы являются настольными книгами, и сам автор является постоянным собеседником, насколько богаче и точнее бывает мысль, которая всегда видится в нюансах, деталях, подробностях. В книге записные книжки Выготского разбиты на разделы. Например, такие: «Еврейство и мировая история», «Инструментальный метод», «Проблема сознания», «Мышление и речь», «Смысловое поле: полемика с Куртом Левиным» и др.

В каждом разделе – записки Выготского по данному вопросу, его поиски, его искания, метания, нащупывание метода и предмета психологии. К записям приводятся подробные комментарии редакторов, публикаторов издания.

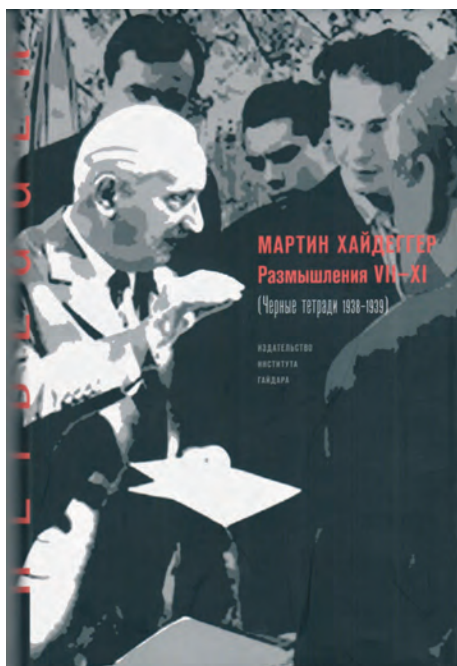
Впервые мы видим раннего Выготского, видим на самом деле экзистенциальный генезис его мысли, его самоопределение как философа и учёного. Видим то, что раньше было как-то и не принято обсуждать применительно к его биографии – проблему поиска им личного Бога, понимания собственной идентичности в связи с еврейским вопросом. Хронология записей широка, охватывает всю жизнь – начиная с ранних записей гимназиста Льва Выготского 1912 года, посвящённых плану доклада о книге Экклезиаста («Трагикомедия исканий») и заканчивая последними записями 1934 года.

Авторы сборника приводят подробные комментарии к записям Выготского. Ими написаны предисловие к публикации записей Выготского, коммента-

рии к записям. Читая записи и идя по ним, ты видишь, как дневники Выготского встраиваются в мировой научный контекст и как работает его лаборатория мысли.

В записях просто явно видно, как круг земной замкнулся в его судьбе, как он может сказать себе, о своём предназначении перед Всевышним:

«NB! Pro domo suo. Это последнее, что я сделал в психологии – и умру на вершине как Моисей, взгляну на обетованную землю, не вступив в неё. Простите, милые создания. The rest is silence». Последняя фраза – из его любимого Гамлета. Последние предсмертные слова. Остальное – молчание.

Хайдеггер М.

Размышления VII – XI

(Чёрные тетради 1938 – 1939) / Пер. с нем. А.Б. Григорьева; науч. ред. перевода М.Маяцкий. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 528с.

Мы перед собой имеем ещё одну лабораторию, мастерскую мысли, мысли Мартина Хайдеггера. Философ с 1931 года вёл записи, дневники, вплоть до конца жизни. В отдельном 95-м томе Собрания сочинений его издатель опубликовал эти дневники, относящиеся к 1938-30 г.г. Этот том и вышел на русском языке отдельным изданием. Всего тетрадей собралось 34. Записи в этих клеёнчатых тетрадах чёрного цвета послужили поводом для очередных обвинений философа в том, что он испытал соблазн крови и почвы, поддавшись искушению службы идеалам национал-социализма.

Это не дневники афоризмов, не сознательное сочинительство этаких фраз-высказываний, лаконизмов, в которых автор воплотил бы своё Учение. Сами записи в тетрадах носят характер поисковых заметок, как бы движения на ощупь. Сам Хайдеггер завещал их публикацию, но после издания своих сочинений. 34 тетради разбиты на группы. 14 тетрадей собраны под заголовком «Размышления», 9 тетрадей названы «Примечания», две озаглавлены «Четыре тетради», две – “Vigilae” («Стражи»), две – “Notturmo” («Ночное»), две – «Намеки», четыре – «Предварительное». Также есть ещё две под названием “Megiston” («Величайшее») и «Базовые слова».

Записи велись 40 лет. С 1931 года по 1969 год и начало 70-х. Эти записи – реальная автобиография Хайдеггера, которую он, казалось бы, не написал и был противником такого жанра. Тем не менее, он показал на своём примере то, о чём написал в дневниках – жить по-философски:

«Жить по-философски» – значит ли это, что нужно следовать учениям и правилам какой-либо философской системы и вводить их в “практику” повседневности, – или же – не значит ли это скорее единственным образом осуществлять практику самой философии, – т. е. не прекращать изначально, непреклонного и не имеющего опоры (stützenlos) осмысления и отваживаться на сущность самой истины как наидостойнейшей вопрошания? Это вопрошание и говорение не нуждается в “воздействии” (Wirkung), ибо он как таковое сущностно уже превосходит всякое “воздействие”, поскольку просто есть и тем самым, – не воздействуя ни на что, – ставит в тупик, а, возможно, от-вращает (ent-setzt) сущее и то, что им считается».

В углу сидел и рылся в книгах
Сергей Смирнов